

Л.Ю. БРОНЗИНО

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ 12-Й КОНФЕРЕНЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ, ИЛИ О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ

DOI: 10.19181/socjour.2016.22.1.3925

Аннотация. 25–28 августа 2015 года в Праге состоялась 12-я (очередная) конференция Европейской социологической ассоциации под названием «Различия, неравенства и социологическое воображение». Самая крупная профессиональная ассоциация социологов в Европе проводит соответствующее — претендующее на максимальное представительство и репрезентативность — собрание социологов. В статье подводятся общие итоги конференции, обозначаются ее основные предметные области и предлагаемые европейскими социологами темы исследования. Выдвинутые в названии конференции понятия получили в ходе развернувшихся дискуссий разнообразные (иногда и причудливые) интерпретации, но общее направление размышлений, как показано в статье, можно выделить, ориентируясь на базовые понятия: многообразие и социологическое воображение.

Хотя в целом состояние современного общества ученые характеризуют как посткризисное, неопределенность остается одним из базовых концептов, а прекариат — социальным классом, который сегодня рассматривается если не как преобладающий, то как постоянно растущий и занимающий одно из важнейших мест в социальной структуре. Концептуальные рамки исследования, заданные подобным фокусом, формируются на базе идей соответствующего пула известных теоретиков — Э. Гидденс, П. Бурдьё, Б. Латур, У. Бек, З. Бауман (хотя далеко не ограничиваются данным списком).

Ключевые слова: социологическая конференция, различия, многообразие, социологическое воображение, прекариат, неопределенность.

Но если вы в наши дни хотите одновременно ничего не делать и быть респектабельным — лучше всего притвориться, будто вы работаете над какой-то серьезной научной проблемой...

Лесли Стивен. Кембриджские заметки

Многообразие как принцип, или чем больше, тем лучше

Социологам положено любить цифры, потому что более внушительную статистику может представить масштабное научное собы-

---

Бронзино Любовь Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов. **Адрес:** 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. **Телефон:** +7 (495) 433-20-22.

Электронная почта: lbronzino@gmail.com

тие, тем с большей уверенностью оно провозглашается успешным. 12-я конференция Европейской социологической ассоциации (проводящееся раз в два года мероприятие считается главным научным событием в европейской социологии) с этой точки зрения, безусловно, удалась: организаторы объявили о 3,5 тысячах зарегистрированных участников, а напечатанная мелким шрифтом Abstract book заняла 1703 страницы. Разумеется, не все зарегистрированные участники являются лично, а кто-то полагает, что достаточно выпить welcome drink на церемонии открытия, чтобы считать свое присутствие в списках оправданным. Но и с учетом разнообразия способов «представления себя другим» конференция собрала в Праге достаточное (а возможно, и репрезентативное) число социологов, обсуждавших “Differences, Inequalities and Sociological Imagination”. Вряд ли можно однозначно судить о состоянии социологического знания по одной конференции — пусть и столь представительной, но, полагаясь на собственные субъективные впечатления, попробуем обозначить общие тренды в развитии дисциплины.

Структуру современного социологического знания, представленную в наборе секций, можно считать вполне традиционной: 37 Research Networks обозначают привычное исследовательское поле, отражая почти «школьную» модель от абстрактного к конкретному через теории среднего уровня: социальная теория, методы, социальные группы, движения, институты, дополненные обозначением наиболее существенных и по большей части общеевропейских проблем. Специфику настоящего момента в науке, помимо теоретико-методологических подходов, чаще всего эксплуатируемых представителями всех направлений, фиксируют мероприятия из серий «Другое» и «Специальное». И здесь очевидны два момента, один из которых свидетельствует о плюрализме мнений и наличии множества «социологий для одного мира», второй, напротив, иллюстрирует стремление к интеграции социологического знания и поиск возможного фундамента такого объединения.

Принцип, согласно которому наименование предшествует сущности, проявился на конференции в полной мере — различия и неравенства, оставаясь одной из центральных тем европейской социологии, получили свое место в заглавии конференции, и организаторы старались следовать заданному ими же фарватеру в обычном русле поиска единства в разнообразии и попыток это разнообразие сохранить, сделав полезным предполагаемому единству. При этом если на предшествующих конференциях Европейской социологической ассоциации акцент делался на сложных временах и кризисе, при которых различия усугубляются и оборачиваются конфликтами, то в Праге кризис сочли в целом преодоленным. Так, в Турине в 2013 г. обсуждали “Crisis, Critique and Change”, в 2011-м в Женеве времена были однозначно названы «турбулентными» (“Social Relations in Turbulent

Times”), а в еще докризисном 2007-м в Глазго рефлексировали над конфликтами и гражданским обществом (“Conflict, Citizenship and Civil Society”). Посткризисное умиротворение, впрочем, не касается самой социологии, определение статуса которой в современном мире стало одной из центральных тем конференции. Разнообразие в этом смысле признали позитивным — хотя бы потому, что конференция по определению есть место для дискуссий. Европа вышла из социально-экономического кризиса (не без потерь, конечно), но сегодня социология должна понять, какова ее роль в неолиберальном, или посткапиталистическом мире (два концепта, в связке с «пост-историческим» заменившие «постмодерн», преобладавший ранее).

Многообразие как базовый принцип формируемого европейской социологией образа мира и соответствующий ему плюрализм как внутренний способ организации науки реализуются способами, кажущимися порой довольно экзотичными. Например, через присутствие бразильских, тайваньских или новозеландских исследователей: чтобы формировать европейскую социологию, совсем необязательно жить в Европе, как бы расширительно ее сейчас ни трактовали. Или в поиске оснований для формирования евро-арабской социологии [27, р. 48]: в контексте одновременно «встречающихся» и «сталкивающихся» цивилизаций феномен может существовать, однако изначальная «западность» социологического способа мышления задает не преодоленную, хотя, возможно, и преодолимую дистанцию.

Очередное обострение ситуации с мигрантами, совпавшее по времени с конференцией, придало обсуждаемой проблематике различий особую актуальность, прозвучав даже в приветственной речи Кармен Леккарди — президента Европейской социологической ассоциации (сложившей полномочия по окончании мероприятия). Во вполне традиционной для церемоний открытия речи интересно не то, что там есть, а то, чего там нет: ни характерного для российского политического (а иногда и научного) дискурса страха, что «понаехавшие» угрожают европейской идентичности, ни опасений «конца Европы». Лишь сочувствие людям, попавшим в тяжелую ситуацию (речь произносилась вскоре после известия о задохнувшихся в автобусе беженцах). А постановка вопроса в научном контексте однозначно направлена на то, чтобы понять, как можно им помочь. И это отнюдь не идеализм, порожденный неумением оценить реальные опасности: миграции «библейского масштаба» ведут к политической нестабильности, насилию и бедности, порождая «новые неравенства и различия... ставящие под сомнение саму возможность сосуществования людей на этой планете». Взрывы насилия и терроризм вынуждают интерпретировать миграционные процессы как перманентный риск. Однако нельзя недооценивать и «исключительную трансформационную силу» расширяющихся различий, значимость ее «амбивалентного потенциала» [41, р. 12].

Последний тезис отражает и общий подход к проблематике различий и миграции, специфически преломляемый в тематиках секций: например, на гендерной секции обсуждалась специфика адаптации арабских женщин в Италии — они должны «вписаться» в контекст не только европейской цивилизации, но и трансформированного постколониализмом феминизма [30, р. 1426]. Понимая и принимая ограничения просвещенческой идеи о силе знания и образования, социологи демонстрируют почти безусловную веру в прогресс: именно незнание (или просто недостаток информации) выступает источником консервативных стереотипов и недоверия к Другому, порождающих дискриминацию и, как следствие, внушительный набор прочих социальных проблем. Просвещение «перенимает весь материал мифов для того, чтобы их разрушить, и как их судия подпадает под чары мифов» [8, с. 26], — предупреждали М. Хоркхаймер и Т. Адорно, которые, похоже, хотя и оценили в полной мере силу мифологии и идеологии Просвещения, но сохранение их влияния спустя столетия предсказать не могли. И полагая, что обыденное представление о различии как источнике дискриминации и неравенства есть следствие недостаточной просвещенности и приобщения к «царству разума», европейские интеллектуалы (социологи здесь — лишь часть более широкой рационалистической традиции) ищут пути объединения политики и педагогики. Это касается не только этнических или религиозных различий и выходит далеко за рамки проблемы миграции: например, внедрение гендерно нейтральных местоимений в образовательный, политический и академический дискурсы рассматривается как эффективный инструмент создания общества, не знающего гендерной дискриминации [31, р. 1425].

Куда может увести социологическое воображение: буйство красок

За различия и неравенство на конференции отвечал, таким образом, мультикультурализм, дополненный вечной просвещенческой идеей, а за единство — провозглашенное во второй части названия «социологическое воображение». Призыв к переосмыслению миллсовской категории социологи восприняли всерьез, и она обрела довольно пестрый коннотативный «хвост», став зонтичным термином и многозначной метафорой. Среди множества ракурсов его рассмотрения можно выделить как минимум пять. Во-первых, стимулирование методологического плюрализма, при котором не просто легитимизируются новые методы исследования, но и поощряются междисциплинарные связи, способствующие возникновению «гибридных» дисциплин. Наиболее яркий пример здесь — социология эмоций, описывающая в социологических терминах психологические феномены (что «навязывается гравитационным полем остающегося, несмотря на все попытки его рационализации, иррациональным обществом» [8, с. 155], — заметили бы классики). Социологическое воображение, как его определял Ч.Р. Миллс (то, благодаря чему можно понять,

«какое влияние оказывает действие исторических сил на внутреннее состояние и жизненный путь людей» [7, с. 10]), составляет предмет исследования социологии эмоций. И хотя официально она появилась среди направлений исследований Европейской социологической ассоциации еще в 2004 г., социологическое воображение как «титulusный» концепт конференции придает ей новый импульс. А приглашение специалистов уровня А. Хохшильд позволяет определить перспективу: например, изучение взаимосвязи эмоций и политических убеждений или способности “deep stories” прояснить причины «бесчувственности» правого крыла американцев в отношении растущего разрыва между богатыми и бедными [23, р. 10].

Социологическое воображение позволяет выходить за рамки «стандартных категорий и рутинного мышления» (например, рассматривая кризис сквозь призму биографий) [40, р. 189]. А для тех, кто пытается выстраивать на фундаменте социологического воображения новые (или хорошо забытые) теоретико-методологические принципы, оно представляет собой очередной ответ позитивизму, выступающему «в роли судебной инстанции просвещенческого разума», реакции «на всякого рода распутничанье в интеллигентных мирах» [8, с. 41], как сказали классики. Связанная с позитивизмом технизация социологического исследования «ведет к тривиализации социологического анализа, неспособного дать изощренное, тонкое, основанное на фактах объяснение социальной реальности» [29, р. 978], — добавил современник.

Во-вторых, социологическое воображение стимулирует трансформации социальной теории, изменяющейся (например) под влиянием новых технологий и Big Data [17, р. 1261] (хотя от «цифрового соблазна» социологии придется избавляться) [19, р. 1262]. Границ воображению теперь просто нет: если его, скажем, применить к исследованию искусственного интеллекта, то можно обнаружить «социологичность» даже в компьютерных штудиях Алана Тьюринга [43, р. 1261]. Потому социологическое исследование получает теоретическую подпорку в виде концептуальных построений из разных областей знания. Так, ризомная теория Ж. Делёза и Ф. Гваттари срабатывает при изучении особенностей свободного времени девочек-подростков из Японии [33, р. 219]. Помимо очередного опыта социологического воображения (хотя этот западный концепт и имеет ограничения в специфических японских условиях), задействование такого рода идей свидетельствует об особой привязанности ко всем разновидностям «сетевых» концепций. Междисциплинарность социальной теории, в интерпретации участников конференции, не нуждается в закреплении или обосновании, она просто не ставится под вопрос. Собственно социологические концепции не только не исключительно пригодны для социологов, но в принципе не имеют особого статуса: можно, например, привлечь теорию Г.-Г. Гадамера для концептуализации социологии, пре-

одолевающей предложенную М. Буравым дихотомию профессиональная / публичная [24, p. 1249].

Социологическое воображение способно ко многому — в том числе и сыграть роль в решении старого спора о значимости «интеллектуального мастерства» versus абстрактного эмпиризма, мыслимой как «позднейшая реинкарнация дихотомии субъективного и объективного в социологической практике» [26, p. 976]. Социальная теория все еще пытается разрешить старую дихотомию «структура — агент» (структурализм — конструктивизм). Удачным можно признать введение с этой целью понятия «исследование ценностей» (“value studies”) — все большее распространение “studies” как способа обозначения более или менее институционализированного предметного поля маркирует междисциплинарность в качестве базового принципа социальных исследований. Одновременно «исследование ценностей» демонстрирует недостаточность обоих элементов дихотомии: «Ни структуралистский подход, ни культурологические теории, которые рассматривают ценности как часть культурного капитала, не отдают должного этической природе человеческого опыта» [11, p. 1244]. Прагматическое, а не абстрактное отношение к ценностям предполагает их рассмотрение как образующихся в непосредственном опыте индивида, как результирующей особых ситуаций.

К субъекту и его индивидуальному опыту социологии следует вернуться: рассуждения Т. Адорно и П. Бурдьё о его потенциале привели к росту эссенциализма [22, p. 1248]. Следовательно, необходимо заново придумать, как сочетать в одной исследовательской модели «микро» и «макро». Для этого полезно перечитать классиков: «вернуться к субъекту» пытался уже поздний М. Фуко [21, p. 1260]. «Возрожденный субъект», рассматриваемый на микроуровне, впрочем, все равно попадает в тиски габитусов или (если ему повезет) в типологизированные М. Арчер модусы рефлексивности, по-разному влияющие на паттерны индивидуальной мобильности [37, p. 1259; 10]. А макроуровень осмысливается в терминах цивилизации [39, p. 1258] или прочих видов социальных конфигураций, концепт которых, как полагают некоторые, может легко решить вообще все противоречия современной социальной теории («дуализм, противопоставивший социальное — природному, индивидуальное — обществу, микро — макро, действие — структуре, порядок — изменению, локальное — глобальному») [35, p. 1260].

В-третьих, социологическое воображение способствует практически бесконечному расширению поля социального исследования. Особую роль здесь играют новые технологии: технические новшества, а главное, трансформирующиеся в связи с их появлением социальные взаимодействия любопытны социологам уже несколько десятилетий, однако сегодня «не-люди» (non-humans) все чаще оказываются в центре социологических описаний. Теоретическое обоснование возможности рассмотрения вещей как социальных акторов принад-

лежит Б. Латуру [6], что делает его одним из самых поминаемых на конференции персонажей. А поскольку конкретное изучение способов взаимодействия «людей и вещей» осуществляется чаще всего как «исследование практик», незаменимым оказывается П. Бурдьё. В итоге пригодной для социологического изучения становится, например, «социо-техническая организация энергетической системы», «совместное конструирование энергетической системы и повседневной жизни домохозяйств» [20, р. 28] или влияние информации, получаемой с помощью генетических тестов (для американского автора это «рутинное» действие), на поведение семей [42, р. 19].

В-четвертых, социологическое воображение предстает как особый социальный феномен, влияющий на социальную жизнь. Так, его «творческая артикуляция» может послужить росту социальной активности молодежи [34, р. 238], а его стимулирование — рассматриваться как педагогическая техника, способствующая, например, конструированию представлений студентов о гендерном равенстве [12, р. 490]. Очевидная связь искусства с воображением (не важно, социологическим или нет) также послужила причиной необычного расширения тематики социологии искусства и введения соответствующих секций — от привычной “Sociology of Art” до экзотической “Design in Use”.

В-пятых, концепт воображения внедряется в социальную теорию, осмысливаясь как специфический механизм формирования социальности. В первую очередь — тогда, когда акцент делается на символическом измерении общества, рассматриваемом как альтернатива рациональному [28, р. 38]. И во вторую — когда описывается как почти универсальный инструмент для исследования любых проблем и феноменов, часто в качестве способа удовлетворить формальным требованиям соответствия тематике конференции.

Неопределенность статуса и неопределенность как базовый концепт

Разнообразие тем конференции можно считать априорно заданным — представление если и не о целостной, то по крайней мере значимой части спектра европейских социологических исследований предполагает включение максимального числа всевозможных интенций. Возможно ли в этой мозаике разглядеть единство теоретического плана? И достаточно ли концепта социологического воображения, чтобы пазл обрел вид картины, а эклектика тем не обратилась фундаментально противоположными подходами, разрушающими дисциплинарное единство? О единстве (или единственности) социологической теории, принимаемой всеми социологами, сегодня говорить не приходится не только в силу теоретического многообразия, но и в связи с фундаментальной спецификой социального знания — непреходящей силой обилия интерпретаций. Ее уже не обосновывают постмодерном, похоронившим «большие нарративы», и вообще никак не обосновы-

вают, считая безусловной данностью современного этапа развития знания. В таких условиях единство дисциплины связано с очерченным (причем весьма приблизительно и полупрозрачно) набором теоретических моделей, ставших наиболее «популярными»: любопытно, что для описания теоретических трендов нынче можно использовать понятие из массовой культуры.

Зигмунт Бауман в таком контексте выглядит как «хедлайнер» — стоило приехать в Прагу хотя бы для того, чтобы лицезреть живого классика. Классик и вправду оказался резв и бодр, шутил, хотя его выступление было далеко не оптимистичным. Бауман говорил об углубляющемся неравенстве в посткризисном обществе: принимая идею цикличности экономического развития, он уверенно провозгласил, что «дна», достижение которого гарантирует последующий подъем, пока не видно. Сыпал цифрам: миллионами и триллионами долларов иллюстрировал не только огромный имущественный разрыв, но и тот факт, что из всех кризисов богатые выходят еще более богатыми, а бедные — еще более бедными. В его речи впервые на конференции (Бауман выступал на открытии) прозвучало слово «прекариат». Характеризующая этот новый класс уязвимость стала одной из базовых тем конференции, маркируя (во всяком случае, для Баумана) еще не затвердевшую модель социальной стратификации и знаменуя продолжающийся кризис (поскольку рост прекариата свидетельствует о проблемах социального государства). Демонстрируя занятую «смычку» правой и левой критик капитализма, Бауман рекомендовал работу А. де Бенуа [1], который перечисляет три отличия нынешнего кризиса от всех прочих. Во-первых, он является прямым порождением капиталистической экономики, имеющей два источника для экспансии: рост давления на работника, вынуждающий его трудиться максимально эффективно и дающий прибыль «проклятому капиталисту», и создание потребности в произведенных товарах. Противоречие между этими двумя типами давления разрешается с помощью кредитов — они-то и послужили прямой причиной кризиса. Во-вторых, нынешний кризис порожден односторонней глобализацией, за которую мы платим разрывом между силой и политикой — возможностью что-то делать и принятием решений относительно того, что должно быть сделано: политика остается в руках национальных государств, а сила принадлежит корпорациям. В-третьих, кризис связан с гегемонией США — страны, построенной на кредитах и монетизации, ничего не производящей, но единолично владеющей механизмами мирового финансового контроля. В интерпретации Баумана антиамериканизм звучит менее откровенно, чем в цитируемой им книге, но чувствуется достаточно типичное для европейцев недоверие к Америке и привычка винить ее если и не во всех грехах, то во многих мировых проблемах.

Неопределенность остается главной характеристикой современности, а происходящие с индивидом изменения приобретают в связи с кризисом новые черты. Метафоры (или концепта), столь же красивой, как придуманная им «текучая современность», Бауман не предложил, скорее продолжая заданный ею вектор рефлексии. В ее рамках важнейшим фактором, формирующим социальную структуру с точки зрения индивида, выступает его статус относительно мобильности или фиксированности — причем этот критерий принципиально амбивалентен. Прекариат, с одной стороны, лишен стабильной и гарантированной социальной позиции в институциональной (профессиональной) структуре, с другой — свободен в выборе места работы и жизни, не привязан к социальной иерархии и необходимости штурмовать карьерные лестницы. По Бауману, противоречие разрешается, если детализировать характер свободы, приобретаемой ценой социальных гарантий. Здесь классику помогает книга Бьюн-Чул Хан «Общество усталости» [13]. Известный у нас по недавнему переводу «Прозрачного общества» [4] исследователь разграничивает веру в свободу и саму свободу: современный человек обманывает себя, веря в то, что сам выбрал максимальное напряжение сил и работу до истощения; прикрываясь идеей самореализации, он на практике реализует экономическую необходимость. Гиперактивный индивид в итоге получает не свободу, а стресс, тревогу, инфаркт и одиночество, участвуя, таким образом, в конструировании «общества усталости». Пока еще такое общество — будущее, и Бьюн-Чул Хан (весьма предусмотрительно, заметим) говорит о нем как о предполагаемом, а не строго заданном, указывая на дигитализацию как его предпосылку. Учитывая последнее обстоятельство, его можно было бы объяснить через концепты общества потребления и симулякра, как это сделал Ж. Бодрийяр (чуть раньше, как известно): «На самом деле эта усталость означает, по крайней мере, одну вещь ... а именно, что общество, которое представляет и видит себя всегда в состоянии прогресса, направленного на уничтожение усилия, разрешение напряжений, на обеспечение все большей легкости и автоматизма, является фактически обществом стресса, напряжения, допинга, в котором общий баланс удовлетворения указывает на все больший дефицит, при котором индивидуальное и коллективное равновесие оказывается все более скомпрометировано в той самой мере, в какой множатся технические условия его реализации» [2, с. 230].

Неопределенность как концепт, задающий исследовательские фреймы на микро- и макроуровнях, актуализировалась на конференциях не только благодаря пессимистическим пророчествам Баумана, но и в связи с недавней кончиной Ульриха Бека — одним из самых печальных событий этого года. Памяти ушедшего из жизни 1 января социолога на конференции посвятили специальное мероприятие

(Specials & Workshops (5) / In memory of Ulrich Beck), хотя и без того его имя упоминалось часто и почти по любому поводу (конкуренцию Беку в этом отношении могли составить разве что Э. Гидденс, М. Вебер и П. Бурдьё). Потому собственно в докладе о Беке прозвучали описание его главных теоретических достижений и присущая некрологу апологетика («воплощение европейского гражданина», обладателя «двойного гражданства» — социолога и политического деятеля [36, р. 33]) — несколько высокопарная, но вполне уместная.

Теории Бека — и «риск» (на макроуровне просчитываемый и фундированный экономически), и рефлексивная модернизация — оказались подходящим контекстом для рассуждений об обществе и индивиду. По отношению к последнему Бек исповедует классический подход почти веберовского типа: социальное действие осуществляется сознательно и когнитивный элемент деятельности возрастает с распространением модерных принципов организации общества. Однако в классической интерпретации «риск» был более предсказуемым, чем эксплуатируемая в последние годы «неопределенность», что сместило фокус анализа. «Риск» с привкусом «неопределенности» невозможно преодолеть, а его исследование следует перенести на микроуровень, рассматривая как причину и / или результат фрустрации конкретного социального феномена или даже отдельного индивида.

В подобную парадигму отлично вписался анализ прекариата: неопределенность, понимаемая и в негативном, и в позитивном смысле, является его атрибутом, а сам нарождающийся класс, может быть, и есть результат экономического кризиса, но одновременно иллюстрирует кризис неолиберализма. Последнему на конференции здорово досталось, причем со всех сторон: во-первых, он сформировал системы социальной защиты, требующие слишком больших расходов, которые кризисная экономика с трудом выдержала, а нынешняя — неизвестно, выдержит или нет. Во-вторых, кризис обозначил необходимость пересмотра границ государственного регулирования экономики, причем относительно этого сюжета рассуждения имели прямо противоположную направленность. Был ли кризис следствием избытка или недостатка регуляции, установить не удалось, а сама дискуссия, похоже, скоро примет черты фундаментальных дихотомий, призванных двигать вперед социологическую рефлексию. (Хотя бы ради продолжения самой этой рефлексии, по напрашивающейся аналогии — «чистой социологии» как искусства для искусства).

Неолиберализм в кризисе, а его связь с прекариатом установлена еще в 1990-е: наиболее известное исследование на эту тему принадлежит Р. Кастелю, описавшему трансформации на рынке труда в терминах «дезаффиляции» и «уязвимости» [5]. Актуальная ныне проблема тоже была сформулирована не сегодня (существует, кстати, и экстраполяция западной версии теории на российскую действитель-

ность в целом и на карьерную ситуацию самих социальных ученых [32, р. 1101]): «Однако сегодня прекаритет больше не является маргинальной формой жизни и труда, поскольку он не противостоит гегемониальным структурам общества, а, скорее, органично вписывается в неолиберальный порядок с характерной для него мобильностью, неукорененностью, флексибильностью и, как результат, самоэксплуатацией» [9]. В результате прекариат на конференции получил иной фокус рассмотрения: в нем распознали нетипичные формы социальной организации — солидарность, не основанную на иерархической организации, а возникшую из горизонтальных связей, которые нельзя не уподобить сети (последнее обстоятельство спровоцировало очередную волну упоминаний Б. Латура, не всегда, впрочем, уместных). Потому на прекариат возлагали большие надежды: поскольку в его сути заложены неформальные взаимодействия, он может послужить основой для альтернативной социальной организации, воплощающейся, в частности, в протестных движениях эпохи неолиберализма, в свою очередь, разъедающих присущий периоду государства всеобщего благоденствия ленивый европейский аполитизм.

Схема вышла довольно симпатичной, тем более что она подтверждалась усилением протестных движений, замеченным повсеместно — от Египта до Исландии; поминалась по этому поводу и Россия: «Граждане во всем мире протестовали против того, что они представляли как детерриторизацию демократических институтов, так и самих гражданских, политических и социальных прав, которыми они наделены» [15, р. 41]. Соотношение национального и транснационального в современных социальных движениях сложное: традиционно объектом критики и, соответственно, адресатом протестов были национальные государства, характер которых (властные полномочия и способность влиять на ситуацию) радикально изменился в последние годы, прежде всего в Европе. Сегодняшние протесты все чаще направлены против международных институций, представляя собой «транснациональные коллективные действия», знаменующие недовольство «транснациональной политикой» [16]; а реализуют их «рефлексивные акторы», что детерминировано необходимостью согласованных действий на международном уровне. И хотя многообразие растущих социальных движений предопределяет их исследование в конкретном «социоэкономическом, культурном и политическом контексте, в котором они возникли» [15, р. 42], логичной выглядит идентификация участников социальных движений через прекариат — в конце концов, теперь именно ему нечего терять, кроме своих цепей.

Неопределенность, обретшая в прекариате собственного специфического социального актора, не обошла и саму социологию. Теоретическая и методологическая эклектика может рассматриваться как проявление кризиса дисциплины, а может стать поводом для

дискуссии о статусе социологии в современной мире. На конференции такая дискуссия возникла на пересечении двух идей — тезиса о публичной социологии, ставшего популярным после избрания М. Буравого в 2004 г. председателем Американской социологической ассоциации, и, как и следовало ожидать, учитывая заголовок конференции, концепта социологического воображения. «Мы потратили сто лет на построение профессионального знания, перевод здравого смысла в науку, и сейчас более чем готовы к выполнению систематического обратного перевода, перемещая знание туда, откуда оно пришло, понимая личные невзгоды как социальные проблемы и таким образом возрождая моральную устойчивость социологии» [3, с. 9], — лозунг / аргумент Буравого, породивший дискуссию о «публичности» или «академичности» современной социологии. Вполне правомерен здесь призыв «более внимательно читать классические инструкции Миллса... Он помещает интеллектуальную силу социологии в умы публики и не рассматривает ее в качестве “авторитета”» [38, р. 1248], с высоты своей научной компетенции представляющего «простому человеку»-дилетанту свое мнение. Ее сегодняшняя роль заключается в диалоге с обществом и выработке новых ценностей «на основе совместного производства знания» [38, р. 1249]. Поворот к публичной социологии тем более важен, что «либертарианская культурная политика возвращает в постимпериалистический / колониальный мир “белую этноцентрическую идентичность”» и «воображает общество не так, как его воображает социология» [14, р. 1249]. «Либертарианская» культурная политика трактует «подчиненные идентичности» в терминах эксклюзии, и корректировка этого нарратива — миссия социологии в современном мире.

В этом контексте речь может даже идти о маргинализации социологии, получающей статус периферийной дисциплины на фоне доминирования экономики. Таков результат самооценки социологии как науки, главная ценность которой состоит в «критичности» и «утопичности» как способности задавать идеальную модель развития и отказе от рассмотрения индивидов через социальные отношения и (в наиболее радикальном виде) общества — как предшествующего индивиду. Это ведет к «неолиберальному сопротивлению социальному анализу» [18, р. 89], являющемуся результатом распространения социологических моделей альтернативного классическому виду и исходящему из разнообразных установок, в том или ином виде исключаяющему позитивистки фундированное представление о социальном. Маргинализации такого рода можно избежать, если «де-онтологизировать» социологию, хотя это и включает взгляд на онтологию как на социальный феномен и переключение латуровского «инфра-языка» в модус инструмента, пригодного для эмпирики [25, р. 1256] и предполагающего концептуализацию социального по отношению к раз-

личным областям исследования. В общем, классика все еще в ходу, а когда она, кажется, теряет актуальность, новейшие идеи не столько отвергают ее, сколько способствуют ее возрождению.

Так что у социологии, похоже, есть шансы — при условии постоянной рефлексии собственных фундаментальных оснований и статуса, а также понимания, что такая рефлексия есть бесконечный процесс. Безусловная польза конференций такого рода состоит в возможности оценить многообразие — его гносеологический и онтологический смысл. Как и следовало ожидать, было поставлено множество вопросов, формирующих общий контекст социологических штудий в почти необозримом исследовательском поле. Его интеграцию на основе социологического воображения следует признать своевременной еще и потому, что социология сегодня обновляет свою роль в публичном пространстве, а «блокирование способности к теоретическому воображению, — как определили классики, — мостило путь политическому безумию» [8, с. 10]. И с этой точки зрения, единой для социологии можно признать конкретную (хотя, возможно, и утопичную) задачу подобного безумия избежать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бенуа А. де* Против либерализма: (к Четвертой политической теории) / Ален де Бенуа; [Пер. с фр.; Предисл. А. Дугина]. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. — 476 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр. Е.А. Самарской. М.: Культурная революция; Республика, 2006. — 269 с.
3. *Буравой М.* За публичную социологию // *Общественная роль социологии.* М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. С. 8–51.
4. *Бьюн-Чул Хан.* Прозрачное общество / Пер. с нем. О.В. Никифорова. М.: Логос, 2014. — 60 с.
5. *Кастель Р.* Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда / Пер. с фр. Н. Шматко, О. Кирчик, Ю. Марковой. СПб.: Алетейя, 2009. — 576 с.
6. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд. дом «Высшей школы экономики», 2014. — 384 с.
7. *Миллс Ч.Р.* Социологическое воображение / Пер. с англ. О.А. Оберемко; Под общ. ред. и с предисл. Г.С. Батыгина. М.: Издательский Дом NOTA VENE, 2001. — 264 с.
8. *Хоркхаймер М., Адорно Т.В.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Пер. с нем. М. Кузнецова. М.: Медиум; СПб.: Ювента, 1997. — 312 с.
9. *Чехонадских М.* Трудности перевода: прекаритет в теории и на практике // *Художественный журнал.* С. 79–80 [online]. Дата обращения 7.11.2015. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/79-80/chekhonadskih/.

10. *Archer M.S.* Making our Way through the World: Human Reflexivity and Social Mobility. New York: Cambridge University Press, 2007. — 352 p. DOI: 10.1017/CBO9780511618932
11. *Bednarek-Gilland A.* Imagining the good life: Values and theories of situated action // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference: Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 1244–1245.
12. *Belet M.E.* A cultural-sociological experiment with teaching techniques: Do gendered film examples stimulate students' sociological imagination? // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference: Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 490.
13. *Byung-Chul Han.* La société de la fatigue. Paris: Circé, 2014. — 120 p.
14. *Courtney R.* A 21st Century Nemesis? The Sociological Imagination and Libertarian Cultural Politics in Northern Europe // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference: Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 1249.
15. *Della Porta D.* Social Movements in Times of Austerity. Is Anti-Capitalism Back? // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 41–42.
16. *Della Porta D., Tarrow S.* Transnational Protest and Global Activism (People, Passions, and Power: Social Movements, Interest Organizations, and the P). New York: Rowman and Littlefield Publishes, 2005. — 315 p.
17. *Dudina V.* Challenges to Social Theory in Digital Era // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 1261.
18. *Featherstone M.* The Spectre of Sociology // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 42–43.
19. *Frade C.* Time, Method and Subjectivation: Social Theory in the face of Social Media and Big Data // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 1262.
20. *Gram-Hanssen K.* Understanding Agency in the Co-construction of Everyday Practices and the Energy System // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 28–29.
21. *Guvenc Salgirli S.* Rereading Late Foucault: From subject to practice to strategy // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 1260.
22. *Hänzi D.* The Imaginary of Promising Potentialities. On Sociological Imaginativeness and the Rise of Exploitative Essentialism // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 1248.
23. *Hochschild A.* Deep Stories, Emotional Agendas and Politics // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 10–11.

24. *Horák V.* Public sociology and hermeneutics // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 1249–1250.
25. *Jansen T.* Towards a de-ontologized sociology // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 1256–1257.
26. *Kotze P.C., Coetzee J.K.* Do we really have to choose? Applying an integral framework to the study of everyday life as a “middle way” for qualitative research // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 976–977.
27. *Labib T.* The Meeting of Civilizations: Towards a Euro-Arab sociology? // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 48–49.
28. *Lash S.* Similitude and the Social Imaginary // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 38.
29. *Longo M.* Recovering a Forgotten Tradition. Against the Technification of Qualitative Methods // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 978.
30. *Massari M.* Post-feminism in the shadow of post-colonialism in Europe: The case of Muslim women’s activism in the European public sphere // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 1426.
31. *Odrowaz-Coates A.* Norm critical pedagogy and gender neutrality. The cutting-edge developments in post-feminism and queer theory in Sweden // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 1425.
32. *Otto D.* The ‘Precariat’ in and through Social Science. Thoughts on the Power of Interpretation of the Sociological Imagination // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 1101.
33. *Ozaki M.* Supplementing Western sociological imagination with children and young people’s *Ibasha* // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 219.
34. *Percy-Smith B.* Children and young people’s participation in social change: Reflections on findings from an EU evaluation // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 238.
35. *Perulli A.* Beyond macro and micro: a critical discussion of N. Elias’ “figurational sociology” // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 1260.
36. *Pfadenhauer M.* A Participating Global Scientific Observer // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 32–33.

37. *Pomiankiewicz Ł.* For reflexivity and habitus as working in tandem: towards reconciliation of Margaret S. Archer's and Pierre Bourdieu's theoretical approaches // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 1259–1260.
38. *Selke S.* From a 'Disciplinary Bunker' to 'Dialogic Complicity'. The Rationality Myth of the Sociological Imagination in Public Sociology // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 1248–1249.
39. *Sinai S.* Eisenstadt's Civilizational Approach and Zionist Historical Imagery // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 1258.
40. *Spanò A., Domecka M.* Going beyond standard categories and routine thinking: understanding crisis through the lens of biography // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 189.
41. The President's Welcome // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Programme book. Prague, 2015. P. 12.
42. *Timmermans S.* The Unbearable Lightness of Genomic Being // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 19–20.
43. *Topal Ç.* Sociological Imagination of Alan Turing and Artificial Intelligence as Social Imaginary // Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book. Prague, 2015. P. 1261.

Дата поступления: 13.11.2015.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL (= SOCIOLOGICAL JOURNAL)

2016. VOL. 22. NO. 1. P. 168–186. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.1.3925

L.Y. BRONZINO

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation.

Bronzino Liubov Yurievna — Doctor of Sociology, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia. **Address:** Miklukho-Maklaya str., bl. 6, 117198, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (495) 433-20-22.

Email: lbronzino@gmail.com

**THE PRELIMINARY RESULTS OF ESA 12TH CONFERENCE,
OR ABOUT THE BENEFITS AND HARMS OF SCIENTIFIC CONFERENCES**

Abstract. 25–28 August 2015 the ESA 12th Conference "Differences, Inequalities and Sociological Imagination" took place in Prague. The largest professional sociological association in Europe holds on the significant — pretending on being the most representative —

meeting of sociologists. The article deals with Preliminary Results of the conference, designs its main themes and subjects. The concepts, mentioned in conference's title, were discussed and differently interpreted during the conference, but a general direction of reflexion can be distinguished through the following concepts: diversity and sociological imagination.

In general, European sociologists characterize the contemporary society as post-crisis one, but at the same time the uncertainty rests one of the main concepts, and precariat is considered as a constantly growing social group, which takes a very important place in social structure. Theoretical frames, which are determined by this researching focus, form on the ideas of appropriate thinkers, such as A. Giddens, P. Bourdieu, B. Latour, U. Beck, Z. Bauman.

Keywords: sociological conference, diversity, plurality, sociological imagination, precariat, uncertainly.

REFERENCES

1. Benoist A. de Au bord du gouffre. [Russ. ed.: *Protiv liberalizma: (k Chetvertoi politicheskoi teorii)*. Transl. from French and pref. by A. Dugin. St Petersburg: Amfora. TID Amfora Publ., 2009. 476 p.]
2. Baudrillard J. La société de consommation. Ses mythes, ses structures. [Russ. ed.: *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury*. Transl. from French by E.A. Samarskaya. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ.; Respublika Publ., 2006. 269 p.]
3. Buravoi M. Za publichnuyu sotsiologiyu. [For Public Sociology]. *Obshchestvennaya rol' sotsiologii*. Moscow: OOO "Variant" Publ., TsSPGI Publ., 2008. С. 8–51. (In Russ.)
4. B'yun-Chul Khan. Transparenz Gesellschaft. [Russ. ed.: *Prozrachnoe obshchestvo*. Transl. from German by O.V. Nikiforova. Moscow: Logos Publ., 2014. 60 p.]
5. Kastel' R. Les métamorphoses de la question sociale: Une chronique du salariat [Russ. ed.: *Metamorfozy sotsial'nogo voprosa. Khronika naemnogo truda*. Transl. from French by N. Shmatko, O. Kirchik, Yu. Markova. St Petersburg: Aleteiya Publ., 2009. 576 p.]
6. Latour B. Reassembling The Social. An Introduction to Actor-Network-Theory. [Russ. ed.: *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu*. Transl. from Eng. by I. Polonskaya. Moscow: Izd. dom "Vysshei shkoly ekonomiki" Publ., 2014. 384 p.]
7. Mills Ch.R. The Sociological Imagination. [Russ. ed.: *Sotsiologicheskoe voobrazhenie*. Transl. from Eng. by O.A. Oberemko; Ed. by G.S. Batygin. Moscow: Izdatel'skii Dom NOTA BENE Publ., 2001. 264 p.]
8. Khorkkhaimer M., Adorno T.V. Dialektik der Aufklaerung. Philosophische Fragmente. [Russ. ed.: *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty*. Transl. from German by M. Kuznetsov. Moscow: Medium Publ.; St Petersburg: Yuventa Publ., 1997. 312 p.]
9. Chekhonadskikh M. Trudnosti perevoda: prekaritet v teorii i na praktike. [Lost in translation: Precarity in Theory and Practice]. *Khudozhestvennyi zhurnal*. P. 79–80 [online]. Accessed 7.11.2015. URL: <<http://xz.gif.ru/numbers/79-80/chekhonadskikh/>>. (In Russ.)
10. Archer M.S. *Making our Way through the World: Human Reflexivity and Social Mobility*. New York: Cambridge University Press, 2007. 352 p. DOI: 10.1017/CBO9780511618932
11. Bednarek-Gilland A. Imagining the good life: Values and theories of situated action. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference: Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book*. Prague, 2015. P. 1244–1245.
12. Belet M.E. A cultural-sociological experiment with teaching techniques: Do gendered film examples stimulate students' sociological imagination? *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference: Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book*. Prague, 2015. P. 490.
13. Byung-Chul Han. *La société de la fatigue*. Paris: Circé, 2014. 120 p.
14. Courtney R. A 21st Century Nemesis? The Sociological Imagination and Libertarian Cultural Politics in Northern Europe. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference: Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book*. Prague, 2015. P. 1249.

15. Della Porta D. Social Movements in Times of Austerity. Is Anti-Capitalism Back? *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 41–42.
16. Della Porta D., Tarrow S. *Transnational Protest and Global Activism (People, Passions, and Power: Social Movements, Interest Organizations, and the P)*. New York: Rowman and Littlefield Publishes, 2005. 315 p.
17. Dudina V. Challenges to Social Theory in Digital Era. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 1261.
18. Featherstone M. The Spectre of Sociology. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 42–43.
19. Frade C. Time, Method and Subjectivation: Social Theory in the face of Social Media and Big Data. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 1262.
20. Gram-Hanssen K. Understanding Agency in the Co-construction of Everyday Practices and the Energy System. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 28–29.
21. Guvenc Salgirli S. Rereading Late Foucault: From subject to practice to strategy. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 1260.
22. Hänzi D. The Imaginary of Promising Potentialities. On Sociological Imaginativeness and the Rise of Exploitative Essentialism. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 1248.
23. Hochschild A. Deep Stories, Emotional Agendas and Politics. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 10–11.
24. Horák V. Public sociology and hermeneutics. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 1249–1250.
25. Jansen T. Towards a de-ontologized sociology. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 1256–1257.
26. Kotze P.C., Coetzee J.K. Do we really have to choose? Applying an integral framework to the study of everyday life as a “middle way” for qualitative research. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 976–977.
27. Labib T. The Meeting of Civilizations: Towards a Euro-Arab sociology? *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 48–49.
28. Lash S. Similitude and the Social Imaginary. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 38.
29. Longo M. Recovering a Forgotten Tradition. Against the Technification of Qualitative Methods. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 978.
30. Massari M. Post-feminism in the shadow of post-colonialism in Europe: The case of Muslim women’s activism in the European public sphere. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 1426.
31. Odrowaz-Coates A. Norm critical pedagogy and gender neutrality. The cutting-edge developments in post-feminism and queer theory in Sweden. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 1425.

32. Otto D. The 'Precariat' in and through Social Science. Thoughts on the Power of Interpretation of the Sociological Imagination. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 1101.
33. Ozaki M. Supplementing Western sociological imagination with children and young people's Ibasho. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 219.
34. Percy-Smith B. Children and young people's participation in social change: Reflections on findings from an EU evaluation. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 238.
35. Perulli A. Beyond macro and micro: a critical discussion of N. Elias' "figurational sociology". *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 1260.
36. Pfadenhauer M. A Participating Global Scientific Observer. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 32–33.
37. Pomiankiewicz Ł. For reflexivity and habitus as working in tandem: towards reconciliation of Margaret S. Archer's and Pierre Bourdieu's theoretical approaches. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 1259–1260.
38. Selke S. From a 'Disciplinary Bunker' to 'Dialogic Complicity'. The Rationality Myth of the Sociological Imagination in Public Sociology. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 1248–1249.
39. Sinai S. Eisenstadt's Civilizational Approach and Zionist Historical Imagery. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 1258.
40. Spanò A., Domecka M. Going beyond standard categories and routine thinking: understanding crisis through the lens of biography. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 189.
41. The President's Welcome. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Programme book.* Prague, 2015. P. 12.
42. Timmermans S. The Unbearable Lightness of Genomic Being. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 19–20.
43. Topal Ç. Sociological Imagination of Alan Turing and Artificial Intelligence as Social Imaginary. *Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference Differences, Inequalities and Sociological Imagination. Abstract book.* Prague, 2015. P. 1261.

Received: 13.11.2015.